

Заметным событием в украинском языкознании, как и в восточнославянском в целом, является создание коллективной работы «История украинского языка» в четырех книгах, последняя из которых посвящена истории становления и развития украинской лексики и фразеологии (отв. ред. акад. АН УССР В. М. Русановский)¹. Рецензируемая книга представляет собой первый и довольно удачный опыт в области исследования истории лексического состава и фразеологии украинского языка на протяжении всего периода его развития. Ее написанию предшествовала многолетняя работа языковедов республик по изучению лексики важнейших памятников староукраинской письменности, истории отдельных предметно-тематических групп украинской лексики, а также лексики и фразеологии отдельных периодов в развитии украинского языка.

Немаловажное значение для создания обобщающего труда по украинской исторической лексикологии и фразеологии имело завершение и издание двухтомного Словаря староукраинского языка XIV—XV вв., словарей произведений выдающихся украинских писателей (И. П. Котляревского, Г. Ф. Квитки-Основьяненко, Т. Г. Шевченко), ряда региональных словарей украинской диалектной лексики, публикации памятников староукраинской письменности (грамот, городских книг и др.), а также лексикографических и грамматических работ украинских ученых XVI—XVII вв. (Л. Зизания, П. Беринды, Е. Славинецкого, И. Ужевича и др.), особенно тех, которые до последнего времени оставались в рукописях и были малодоступны.

Авторы книги выполнили большую самостоятельную работу по историческому анализу богатейшего лексического и фразеологического материала, извлеченного из многочисленных источников, отдельные из которых ими впервые вводятся в научный оборот; один только перечень источников занимает в книге 22 страницы. Вместе с тем авторы критически использовали и теоретически обобщили результаты исследований своих предшественников по украинской исторической лексикологии и фразеологии.

Известно, что в лексическом составе современного украинского языка, как и любого другого славянского, значительное место занимают слова общеславянского, или праславянского, происхождения, составляющие «основное ядро лексической системы каждого современного славянского языка» (с. 15). Поэтому вполне закономерно, что история развития словарного фонда украинского языка начинается с обзора праславянской лексики, унаследованной древнерусским языком. В разделе, посвящен-

ном этой проблеме (автор В. В. Нимчук), вначале анализируется праславянская лексика праиндоевропейского происхождения, а затем отдельно слова, образованные в праславянский период на основе общиндоевропейского лексического наследия, причем среди последних различаются праславянские семантические словообразования и лексемы, образованные аффиксальным способом на основе праиндоевропейских корней. При этом принимается во внимание диалектная дифференциация праславянского языка и его контакты с другими языками. Праславянская лексика, рассматриваемая в книге, охватывает такие тематические группы, как названия предметов и явлений природы, растений и их частей, диких и домашних животных, рыб, насекомых, птиц, частей человеческого организма, семейных отношений, жилища, пищи, орудий и процессов труда, основных признаков и качеств предмета, важнейших жизненных процессов. Теоретические рассуждения и положения автора хорошо подтверждаются конкретными примерами, в достаточном количестве приводимыми им. Хотелось бы только, чтобы в работе, посвященной украинской исторической лексикологии, прослеживалась семантическая эволюция тех праславянских слов, которые в украинском языке не сохранили своего первоначального значения (например, *govědo*, обозначавшее название крупного рогатого скота, укр. *худоба*, и совр. укр. *гов'ядина* — мясо из рогатого скота).

Впервые в украинистике с такой полнотой и тщательностью описывается лексика древнерусского языка, специальное внимание обращается при этом на праславянское словарное наследие в нем, восточнославянские новообразования, слова, заимствованные из других языков (старославянского, греческого, турецких и др.), лексические диалектизмы, ареал их распространения, особенно тех, которые позднее стали характерными для украинского языка. Почти все тематические группы древнерусского словаря достаточно представлены в работе. Исключением, к сожалению, является только общественно-политическая лексика (административная, военная, юридическая, дипломатическая и т.д.), хотя в последних разделах книги, посвященных уже истории словаря собственно украинского языка, она анализируется. У читателя может сложиться не совсем адекватное действительности представление о связи староукраинской общественно-политической лексики с ее развитием в предыдущий период истории языка.

Некоторые древнерусские слова сохранились не во всех говорах украинского языка, а только в отдельных из них, причем часто с другим лексическим значением, например, существительное *зной* (совр. укр. *спека*) известно в фонетически закономерном *зній* только юго-западным говорам украинского языка со значением «тяжелая работа, работа в поте лица» (с. 96), слово *кѣра* (укр. *крига*) употреб-

¹ Коллектив авторов: В. А. Винник, В. И. Горобец, В. И. Карпова, Л. И. Коломиец, Л. Т. Масенко, В. В. Нимчук, Л. С. Паламарчук, В. А. Передриенко, В. М. Русановский, И. П. Чепига, П. П. Чучка и П. П. Чучка (мл.).

ляется в тех же говорах в фонетическом оформлении *икра*, причем без изменения семантики (с. 97) и т. д. Наблюдения подобного рода, изложенные автором при анализе семантической структуры древнерусского словаря, помогают глубже понять многие факты и процессы в составе современной украинской лексики, в том числе и диалектной.

При исследовании древнерусских лексических диалектизмов, в частности юго-западных, позже унаследованных украинским языком, иногда не без основания берутся под сомнение бытующие в современной лингвистической литературе по этому вопросу взгляды. Так, например, древнерусское существительное *оушь* до сих пор квалифицировалось только как новгородский диалектизм, хотя оно, по-видимому, было хорошо известно и другим древневосточнославянским говорам, среди них и юго-западным, предкам украинского языка. Об этом свидетельствует гидроним Ушиця, упоминаемый в Галицко-Волынской летописи (...до рѣки Оушицы и Прута), а также ряд современных украинских топонимов: с. *Ушиця* Житомирской обл., с. Ушиця, г. Стара Ушиця Хмельницкой обл. (с. 91). При необходимости раскрывается этимология рассматриваемых в работе слов, изредка, если на это наталкивает фонетический материал, предлагаются и новые этимологии. Существительное *лошадь*, например, издавна считается в древнерусском языке тюркизмом (тюркск. *alaša*, чуваш. *laša*). В рецензируемой работе предлагается отказаться от такого взгляда и рассматривать это слово как древнерусское новообразование при помощи суффикса *-адъ* от основы *лош-* (ср. русск. диалектн. *лоший* «плохой», с.-хорв. *лош* «плохой»), на что, по мнению автора, указывает и семантика этого существительного: *лошадь* — животное, используемое в сельском хозяйстве, рабочая лошадь (на весну начать тотъ смердъ орати *лошадью* — Киев. лет.), оно противопоставляется слову *конь*, *комонь* — лошадь верховая, военная (а *комони* под нами — Киев. лет.; *конь* еже... ѣздиши на нем — ПВЛ). Звуковое сходство с тюркским наименованием того же животного может быть здесь просто случайным (с. 79). Приведенные здесь и другие подобные им рассуждения автора не могут не привлечь внимания исследователей восточнославянской лексики.

Удачно разбираются в работе древнерусские лексические параллелизмы типа *оужинъ* — *вечерѦ*, *оуксоуъ* — *оцѣтъ* и под., один из которых в украинской лексике не сохранился, а другой унаследован в ней, часто без изменения семантики.

Глубокий и всесторонний анализ словарного состава древнерусского языка позволил сделать убедительно аргументированные выводы относительно хорошей сохранности праславянского наследия в любой лексико-семантической группе древнерусского словаря. Но наряду с ним «везде четко выступают общевосточнославянские лексические новообразования, возникшие в результате аффиксальной и семантической деривации» (с. 163). В разных лексических группах

древнерусского языка место восточнославянских новообразований неодинаково, хотя распространены они в текстах памятников со всех территорий Киевской Руси. Вместе с праславянским лексическим наследием эти новообразования стали основой лексико-семантической системы всех восточнославянских языков, сформировавшихся позднее. Из лексических заимствований в древнерусском языке первое место, естественно, занимают старославянизмы, за ними следуют грецизмы. Заимствования слов из других языков носят более ограниченный характер.

В памятниках письменности южных территорий Древней Руси засвидетельствовано заметное количество лексических диалектизмов, ставших впоследствии характерными для словарного состава украинского языка. Богатый древнерусский словарь отражал, несомненно, высокий уровень материальной и духовной культуры населения Киевской Руси, он же во многом обусловил и лексическое богатство братских восточнославянских языков, — заключает автор раздела.

В истории развития лексики собственно украинского языка на основе ее репрезентации в письменных документах выделяется четыре периода. Первый из них датируется XIV—XV вв. От него сохранились письменные памятники только (за небольшим исключением) делового жанра — юридические акты и канцелярские документы. Следующий период — XVI—XVIII вв. Украинский письменный язык представлен в нем многими функциональными стилями, лексика и фразеология живого народного языка выступает в документах письменности в зависимости от их жанра в разнообразных связях с церковнославянской, латинской, а позже — русской. Третий период — XIX — нач. XX в. Украинский литературный язык окончательно утверждается на живой народной основе, в нем полно и адекватно отражалось лексическое богатство народного языка, часто с его территориальными особенностями. И последний период в истории украинской лексики — это ее развитие после Великого Октября, когда украинский литературный язык, окончательно унифицированный и нормированный, представленный всеми функциональными стилями и жанрами, характерными для любого развитого литературного языка, не только продолжает обогащаться живой народной лексикой, но и сам активно влияет на развитие словаря живой народной речи, обогащая ее новой лексикой, особенно в области общественно-производственной и научной терминологии.

Предложенная в книге периодизация истории словарного состава украинского языка и использованная в ней как периодизация рабочей серьезных возражений не вызывает, однако требует дальнейшего уточнения. Вряд ли, например, целесообразно включать в один период развитие украинской лексики XVI и XVIII вв., если учесть условия ее обогащения и отношение к лексике других, контактирующих с украинским, языков.

Принципы изложения и анализа словарного материала украинского языка в

работе те же, что и в древнерусском, он рассматривается по тематическим группам с последующими теоретическими выводами, обобщающими результаты научного анализа его развития в определенный период. Одной из важнейших задач исследования в ней является проблема непрерывности в развитии словарного состава украинского языка, и решается она довольно успешно.

Всестороннее изучение многочисленных фактов староукраинской лексики дает полное основание авторам работы сделать вывод, что процесс активного формирования лексико-семантической системы в начальный период развития языка украинской народности совершался «в тесных и неразрывных связях с древнерусским языком» (с. 274), а «староукраинская письменность XVI—XVIII вв. ориентировалась на языковую традицию предшествующего периода», которая идет еще «от древнерусского языка» (с. 280); развитие словарного состава украинского языка нового периода (XIX — нач. XX в.) в той или иной степени обусловлено, кроме других факторов, уровнем его развития в предшествующую эпоху, «в частности в процессе постепенного утверждения народной основы в сфере староукраинского книжного языка» (с. 523) и т. д.

Убедительно показано в книге неравномерное развитие лексики украинского языка в разные исторические периоды и в разных ее тематических разветвлениях. Активнее всего проходят изменения в словарном составе, тесным образом связанным с общественно-политической и производственной деятельностью народа, что особенно заметно в период существенных сдвигов в его истории. Это положение убедительно аргументируется анализом всего фактического материала, в частности в разделе «Развитие лексики украинского языка в советскую эпоху» (автор Л. С. Паламарчук). В составе же лексики, относящейся к наименованиям животного и растительного мира, терминологии рельефа, родственных отношений, названий частей животного организма и под., изменения менее значительны и часто касаются ее периферии, а не основного фонда.

Подробно и с достаточной научной убедительностью анализируется в книге и другая важная проблема — источники обогащения украинской лексики на всех этапах ее развития, в первую очередь главнейший из них — образование новых слов на основе собственного языкового материала. Больше всего внимания, естественно, обращается на аффиксальный способ словообразования. Его анализ позволил выявить степень активности суффиксации и префиксации в этом процессе, продуктивность отдельных основ в разные периоды истории украинского языка, изменения семантики производящей основы и образование от нее слов новой лексико-семантической сферы, расширение словообразовательных гнезд и т. д. Надлежащее внимание обращается в работе на значение основоположения и субстантивации в процессе пополнения украинской лексики новыми

словами в разные периоды ее развития.

В работах по истории языка большое значение имеет хронологизация исследуемых явлений. Авторы рецензируемой книги поэтому стараются приводить примеры самой ранней доступной им фиксации новых слов в украинском языке, хотя, к сожалению, случаются в этом отношении и отдельные погрешности. Так, на с. 297 образование демунитивов при помощи суффикса *-уць* фиксируется XVII в. — *дбдусь* (1678), *бабуся* (1695), хотя они в украинском языке известны намного раньше, например, в рукописи «Розмова» около 1575 г., которая значится и в списке использованных в работе источников: *дбдусь* (с. 16а), *Ганнуса* (с. 44).

Основательно исследуется в работе обогащение украинской лексики за счет иноязычных заимствований, анализируется их специфика на разных исторических этапах, характер, продуктивность и территориальные особенности усвоения иноязычных слов и т. д. Интересны наблюдения над иноязычными словами вторичного освоения в украинском языке, как, например, *практика* (греч. *πρᾶξις* «деятельность»), которое в XVII в. употреблялось со значением «искусство гадания, враждебное намерение», а во второй половине того же века появилось в его современном значении, *гумор* (лат. *humor* «влага, жидкость») и некот. др. (с. 526—527).

Привлекает достаточное внимание авторов работы не только история обогащения словарного состава украинского языка, но также и процессы перемещения многих слов из активного запаса в пассивный, а потом и переход их в категорию архаизмов и историзмов, в большинстве своем вызванные общественно-политическими преобразованиями в жизни народа.

Одной из центральных проблем книги является исследование семантических изменений в истории украинской лексики, их системная обусловленность, постепенное обогащение синонимических отношений в составе украинского словаря. Так или иначе она разрабатывается при анализе развития лексики каждой тематической группы любого периода в истории украинского языка, ей посвящен и специальный раздел под названием «Семантические процессы развития украинской лексики» (автор В. М. Русановский), помещенный как заключительный в конце книги. Подчеркивая, что семантическое развитие лексики не всегда и не обязательно сопровождается увеличением словаря, а часто оно связано с увеличением количества значений в слове, что стремление слова к однозначности диалектически взаимосвязано с развитием в его семантической структуре новых значений, авторы работы на ряде типичных примеров прослеживают закономерности расширения, а нередко и сужения семантического объема слов в разные периоды истории украинского языка. Заслуженное внимание обращается на синонимизацию в лексическом составе украинского языка, наибольшая активность которой в нем, как и в белорусском языке, приходится

на XVI—XVII вв., период формирования его как «многофункционального донационального и начало преобразования» его в язык национальный, а также на период 20—30 гг. XX в. — время коренной «перестройки» литературного языка в связи с революционным преобразованием общества» (с. 673).

Интересные сведения находим в рецензируемой книге о синонимической дифференциации в составе параллельных лексических рядов, выпадении отдельных членов таких рядов из лексического состава языка, об утрате значения деминутивности в ряде слов, о роли метафоризации в развитии семантической структуры слов, специфике развития терминологической лексики в разные периоды истории украинского языка и др.

Содержателен раздел об истории собственных имен в украинском языке, в котором изложены результаты исследования эволюции украинской антропонимической (автор П. П. Чучка) и топонимической (автор Л. Т. Масенко) систем от древнейшего периода до нашего времени. В нем подробно описана древнерусская антропонимия и топонимия, ее дальнейшее развитие в староукраинском языке XIV—XV и XVI—XVIII вв., в украинском языке XIX — нач. XX в. и в наше время. Авторы останавливаются на таких вопросах, как происхождение древнерусских и позже украинских антропонимов и топонимов, их этимология, морфологическая структура, отношение к апеллятивной лексике на разных этапах истории языка.

Хочется подчеркнуть, что история лексического состава украинского языка нашла в книге довольно полное, обстоятельное и научно убедительное описание. Конечно, в такой большой работе можно найти и отдельные недочеты, погрешности. Так, например, случаются изредка лишние повторения (см. описание трансформации лексического значения имени существительного *бзмин* на с. 244, 476 и 682); неточности в объяснении значений отдельных слов: на с. 186—187, например, утверждается, что слово *жито* как обобщенное не конкретизированное родовое название зерновых культур в XIV—XV вв. еще употребляется в документах церковного характера, но в других уже «начинает все шире выступать в специализированном значении как название одного из видов культурных злаков»; на с. 323 читаем, что в XVI—XVIII вв. это слово употребляется «только как видовое название одной из сельскохозяйственных культур», а на с. 672, что «восточнославянское *жито*, известное в значении *еда* и *хлеб* (преимущественно *рожь*) на корню и в зерне... сохраняется с этим значением в украинском и белорусском языках». Вызывает некоторые замечания структура разделов книги, посвященных истории словарного состава. Тематическая группа лексики «Название местностей, рельефа» почему-то рассматривается лишь в староукраинском языке XIV—XV вв., а в другие периоды истории украинского языка о ней нигде не упоминается. В одном периоде названия темпоральных понятий

отнесены к лексике, связанной с трудовой деятельностью людей (XIV—XV вв.), а в другом — к названиям реалий окружающей среды (XVI—XVIII вв.). По непонятным причинам изложением основных тенденций развития украинской лексики открываются разделы книги, посвященные XVI—XVIII и XIX — нач. XX в., а в разделе, в котором рассматривается история староукраинской лексики XIV—XV вв., оно закономерно подытоживает анализ всего фактического материала.

Если история лексики украинского языка освещена в книге обстоятельно от древнейшего и до нашего времени, то история украинской фразеологии представлена в ней намного беднее, ее описание ограничено только эпохой староукраинского языка, а о развитии богатой фразеологии XIX — нач. XX в., а также активном фразеотворчестве украинского народа в советскую эпоху даже не упоминается.

Фразеология XIV—XV вв. описана очень сжато и только из судебного-юридической и административно-государственной сферы употребления: изредка анализируются семантика и структурно-типологические модели отдельных фразеологизмов. Однако иногда неправильно и без каких-либо оснований обыкновенные терминологические словосочетания зачисляются в состав фразеологизмов: например, *великое князство*, *коруна полская*, *коруна угорская* (с. 270), *великий князь*, *право волоськое* (с. 271) и под.

Намного полнее и лучше описана фразеология XVI—XVIII вв. Отдельно анализируется народная фразеология, зафиксированная в памятниках письменности того времени, и книжная; обращается внимание на ее лексический состав, генетические корни, перемещение из узкой специальной сферы в общенародный язык, на трансформацию традиционных книжных фразем и «врастание» их в украинский народный язык, анализируется заимствованная фразеология из классических, западнославянских и других языков, ее адаптация на украинской языковой почве. Общее впечатление от описания фразеологии этого периода положительное. Правда, хотелось бы, чтобы в работе, посвященной истории украинской лексики и фразеологии, при ее анализе была раскрыта связь с развитием фразеологии предыдущего периода, т. е. чтобы был выдержан принцип непрерывности ее развития, как это хорошо осуществлено в изложении материала по истории словарного состава украинского языка. Но, как мне кажется, специальная обобщающая работа по истории украинской фразеологии еще ждет своего издания.

Следует отметить, что книга хорошо оформлена в целом, однако жаль, что в ней отсутствует список научной литературы по теме исследования, хотя в других изданиях этой же серии (историческая фонетика, морфология, синтаксис) такой список имеется. Желательно также дать в виде приложения Указатель слов, использованных при анализе фактического материала и включенных в текст исследования.

В заключение же хочется подчеркнуть, что рецензируемая монография, несмотря на некоторые отмеченные недостатки, в большинстве своем частного, а не принципиального характера, представляет серьезное исследование по истории украинской лексики, впервые выполненное на

таком обширном фактическом материале и высоком научном уровне, и является, безусловно, большим вкладом в науку об истории украинского языка.

Жовтобрюх М. А.

Історія української мови. Синтаксис. — Київ: Наукова думка, 1983. 503 с.

Выход в свет этой книги¹ знаменует важный этап в развитии исторического синтаксиса украинского языка и одновременно является серьезным вкладом в фонд сравнительно-исторических исследований синтаксического строя восточнославянских языков. Монография построена на основе изучения синтаксической системы огромного корпуса текстов: памятники письменности XI—XVIII вв., данные фольклора и современных украинских диалектов, произведения украинской художественной литературы. Список староукраинских памятников письменности, использованных в числе источников, представляет самостоятельный интерес для специалистов в области истории восточнославянских языков.

Авторы ставят задачу представить картину становления всех главнейших разделов синтаксической системы украинского языка на широком хронологическом фоне — от периода первых памятников письменности восточных славян до современного состояния синтаксического строя украинского языка (с. 9). Работа строится в основном по традиционной схеме, принятой для большинства исторических грамматик и учебных пособий по истории восточнославянских языков. Исключение составляет лишь последняя глава книги «Временная соотносительность глаголов-сказуемых в сложном предложении», в которой рассматривается вопрос о роли одного грамматического параметра в развитии различных структурных схем сложного предложения. Таким образом, объектом конкретного анализа и описания в отдельных параграфах являются большей частью установленные современной наукой типы синтаксических конструкций уровня простого и сложного предложения (с включением архаичных синтаксических конструкций, утраченных в процессе развития синтаксического строя восточнославянских языков: двойные косвенные падежи, оборот «дательный самостоятельный» и др.). В книге три основных раздела: Простое предложение, Односоставное предложение, Сложное предложение. Внутри разделов материал по отдельным вопросам сначала описывается по данным, извлеченным из древнерусских текстов, затем характеризуются факты староукраинского языка и, наконец, приводятся сведения о судьбе объекта изучения (утрата, заме-

на продуктивным вариантом, известно только в диалектах или в фольклоре, сохранилось в литературном языке как стилистически маркированное, вошло в кодифицированный тип украинского литературного языка). В большинстве случаев положения авторов иллюстрируются интересными, свежими и доказательными примерами из разнообразных источников. В необходимых случаях отмечается зависимость реализации явления от жанровой принадлежности текста. В книге критически рассмотрены и обобщены результаты предшествующих исследований истории синтаксического строя украинского языка. Кроме тщательно выполненного описания структуры всех типов простого и сложного предложения, регистрации исторических изменений каждого объекта исследования и определения его места в синтаксической системе украинского языка различных периодов, в книге собраны необычайно интересные данные о развитии инвентаря служебных синтаксических средств.

Раздел Простое предложение оканчивается очень четко написанным очерком Синтаксические функции предлогов (§§ 37—44), в котором судьба морфологической категории предлогов представлена в зависимости и в связи с развитием синтаксических конструкций простого предложения. В разделе Сложное предложение, к сожалению, подобного обобщения материала о служебных средствах нет, хотя в конкретных параграфах уделяется много внимания наборам союзов, союзных слов и коррелятов, обслуживающих различные типы сложных предложений. Подробно дается этимологический аспект происхождения служебных слов. Отмечены некоторые общие явления, характеризующие состав служебных синтаксических средств на разных исторических этапах развития языка (многозначность древнейших союзов, процесс специализации союзов, утрата союзов на основе указательных местоимений, сложение двух самостоятельных служебных слов в один союз и некот. др.). Считаю упущением, что внимание авторов почти совсем не привлекли частицы, которые играли роль весьма активных синтаксических средств, особенно в древнейших текстах. Большую ценность представляют содержащиеся в книге богатые сведения о синтаксических служебных средствах, употребляющихся в современных украинских диалектах. Однако, как было сказано, весь этот материал о служебных словах не получил обобщения,

¹ Коллектив авторов: Арполенко Г. П., Грищенко А. А., Нимчук В. В., Русановский В. М., Щербатюк Г. Х.